

«РУССКИЙ СОЛОВЕЙ»

...Словно из-под густой кроны вылетела в ночную тишину хрупкая мелодия — «Соловей мой, соловей, голосистый соловей». Призадумалась еще, припечалилась: «Ты куда, куда детишь, где всю ночь пропоешь?». И мягкими рудами вспорхнула к небу, запереливалась по лесу. В ней — и свет, и тень, и распевающая грусть, и упругий ритм. Она русская в каждом звуке, и каждая ее нота отмечена неповторимостью мастера...

Композитором, пустившим ее по свету полтора века назад, был Александр Александрович Алябьев, наш земляк, многими событиями своей судьбы накрепко связанный с тюменской землей.

15 августа 1787 года в семье тобольского губернатора А. В. Алябьева родился младший сын, названный по отцу Сашей. Словно зловещим предзнаменованием, бросающим мрачный отблеск на его жизнь, был случившийся в ту пору городской пожар, от которого больше всех пострадал губернаторский дом. А. Н. Радищев рассказывал, как в уцелевшую овчинную шубу закутали всех троих детей, в том числе и восьмимесячного Сашу.

Сильный автор «Путешествия из Петербурга в Москву» не случайно оказался в гостях у губернатора. Тот принял деятельное участие в судьбе изгнанника, на полгода поселил у себя, прежде чем отправить дальше, в Иркутск, Александр Васильевич был человеком передовых взглядов, неутомимым и умным администратором. При его активном содействии в городе появились народные училища, театр и «вольная» типография Василия Корнильева.

Мог ли Алябьев думать, что пройдет несколько десятков лет, и его «младшенький» окажется в Тобольске в тяжелейшем положении ссыльного?

А пока Саша слушает постоянно выступавший в доме роговой оркестр, игру на скрипке и фортепиано ссыльного поэта и журналиста П. П. Сумарокова. Еще тогда в его душу запали народные песни.

Быстро делает служебную карьеру А. В. Алябьев. Он стал сенатором, президентом Горного ведомства, руководителем Горного училища и Минерного департамента. (Однако в 1803 году по неизвестным причинам его освободили от всех должностей). Семья переехала в Петербург, и 14-летнего Александра зачислили (сначала, конечно, номинально) на службу по ведомству отца.

Но юношу куда сильнее влекло к музыке. После серьезных занятий игрой на фортепиано и теорией композиции он в 1810 году дебютировал как композитор: опубликовал романс и два вальса.

Казалось, судьба уготовила ему безоблачное будущее «беловая муза». Но грянул грозный 1812-й, и кавалерийский офицер Алябьев с боями дошел до Парижа, за храбрость был награжден двумя орденами. Особенно отличился Алябьев под Калишем, когда при его личном участии захватили в плен неприятельского генерала с двумя пушками и знаменем. В одном из боев Александра ранили в руку, но, к счастью для замечательного пианиста, все обошлось благополучно.

Узы «кровного братства», родившегося от непрерывного товарищества» (по выражению Дениса Давыдова) связали его со знаменитым поэтом-гусаром. Под его началом Алябьев сражался в партизанском отряде и в составе Ахтырского гусарского полка.

Подружился он с другими молодыми офицерами, в том числе с такими же восторженными поклонниками музыки А. С. Грибоедовым и Н. И. Толстым, отцом великого писателя. Отголосок тех лет запечатлен Львом Николаевичем в «Детстве»: «Он (отец) любил музыку, пел, аккомпанируя себе на фортепиано, романсы приятеля своего А...» (за этим инициалом скрыт Алябьев).

Впечатления от участия в Отечественной войне и пребывания в европейских странах, общение с прогрессивно настроенным офицерством послужили мощным стимулом для творчества композитора. Его квартет и другие произведения стали ранними образцами русской камерной музыки. Он сочиняет водевили, оперу, в день открытия Большого театра звучит музыкальный пролог «Торжество муз», написанный им вместе с другими композиторами.

После войны служба становится для Алябьева в тягость, но лишь в 1823 году удается ему в чине подполковника выйти в отставку (в один день с Денисом Давыдовым).

Все теперь благоприятствовало творчеству. Талантливейший дилетант получил возможность сформироваться в большого профессионального композитора. Но жизнь распорядилась иначе. Последовал еще один, самый драматический оборот в судьбе Алябьева.

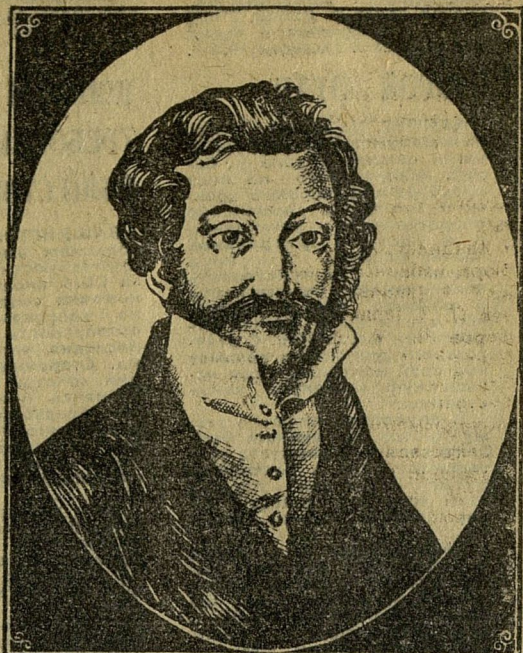
24 февраля 1825 года на московской квартире композитора во время карточной игры одного из его участников — Времева уличили в жульничестве, и Алябьев дал ему пощечину. На том и разошлись. А через два дня Времева хватил удар. Воспользовавшись этим случайным стечением обстоятельств, некто Калугин, членившийся в приятели Времева, настроил донос. Он утверждал, что Времева якобы умер от... побоев.

Гнусную ложь сделали «доказательством», извратив и подтасовав факты. Хотя документы и показания свидетелей неопровержимо говорили о непричастности Алябьева к скорострительной кончине Времева.

«Дело» довершил суд. С горечью видел композитор, как оправдывались его недавние слова: «Плохо попасть в полицию, имея при себе деньги, но еще хуже попасть туда, не имея их совсем».

Это было, когда Россию потрясли события на Сенатской площади. О близости Алябьева к декабристским кругам хорошо знал царь. Потому и вынесли судьи жестокий приговор Алябьеву в декабре 1825 года, спустя девять дней после восстания: лишение знаков отличия, чинов и дворянства и ссылка в Сибирь.

Но до ссылки Алябьев около трех лет провел в тюрьме, пока «дело» рассматривали в Сенате. Однако, находясь в сырой камере, чувствуя, как с каждым днем уходит здоровье (особенно сильно было подорвано зрение), Алябьев пережил творческий взлет. Почти все время композитор проводил за фортепиано, которое разрешили сюда поставить. Здесь впервые прозвучали его

Тюменская область
г. Тюмень

1-6 МАР 1976

многие замечательные произведения. Выпорхнул из тюремных стен и «Соловей», написанный на стихи поэта А. А. Дельвига.

В оригинале романс, как и стихотворение, состоит из двадцати восьми строк — горькой жалобы девушки, которую «разлюбил милый». Исполняют же обычно только первые четыре, поэтически варьируя тему, украшая ее звукоподражательными «соловьиными» трелями.

Композитор не сочинял этих руд. Они — импровизация знаменитой немецкой певицы Генриетты Зонтаг. Именно с ее «легкого голоса» началась мировая слава «Соловья».

Во время своих гастролей в России в 1830 году она услышала романс, который к тому моменту уже «облетел» всю страну, хотя «премьера» его состоялась совсем недавно — 7 января 1827 года «Соловья» исполнил первый русский тенор тех лет П. А. Булахов.

Многие великие композиторы склонились перед мелодией Алябьева. Через всю жизнь пронес ее П. И. Чайковский. Уже в зрелые годы он писал: «Иногда в музыке нравится что-то совсем неуловимое и не поддающееся критическому анализу». И в пример приводил «Соловья»: «Я... не могу без слез слышать его».

Последней партитурой М. И. Глинки было переложение «Соловья» для голоса с оркестром. Фортепианная транскрипция романса, сделанная великим Ф. Листом, покорила всю Европу.

Слава ничего не изменила в участи Алябьева, но однако помогла ссыльному, прибывшему в середине марта 1828 года по этапу в город своего детства...

Местная интеллигенция приняла Алябьева в свой круг. Начальство тоже не чинило преград его творчеству.

Именно здесь искусство Алябьева достигло зрелости. «Северный певец», «Северный Орфей» стал известен всей России. Он создает ряд широко известных романсов, ставших подлинной исповедью композитора.

Среди них выделяется «Иртыш» на стихи тобольского поэта И. И. Веттера. Мерный аккомпанемент усиливает трагичность текста:

*Певец молодой, судьбой гонимый,
При бреге быстрых вод сидел.
И, грустью скорбною томимый,
Разлуку с родною пел.*

Но чувство тоски не смогло заглушить сильную тягу Алябьева к созидательной деятельности. Он приступил к организации регулярных симфонических концертов. 22 января 1829 года состоялось первое публичное выступление тобольского оркестра.

Событие имело большой резонанс. Автор корреспонденции, опубликованной в журнале «Московский телеграф», не мог скрыть своего восхищения слаженным исполнением профессиональным оркестром, состоящего из трех песенных хоров и 100 музыкантов. «Не знаю, что смогу сделать: мне не верилось, что я в Тобольске. — восклицает автор. — В одних столицах можно встретить такое величие. Надобно было видеть радость, начертанную на лице каждого».

Высоко оценил искусство Алябьева и знаменитый немецкий путешественник и ученый Александр Гумбольдт. Он привез в Берлин партитуру гимна, написанного в его честь композитором. Произведение сибиряка получило хвалебные отзывы немецких музыкантов и публики.

Но как успешно ни протекала деятельность Алябьева — композитора, дирижера, пианиста, дальше в Тобольске ему нельзя было оставаться. Здоровье ухудшалось, грозила полная слепота. Сколько раз безуспешно ходатайствовали родные перед Николаем I о смягчении наказания! Наконец, вышла царская «милость»...

Покидал город, Александр Александрович организовал концерт, в котором прозвучали произведения, посвященные его тобольским друзьям. В трудную минуту подали они изгнаннику верную руку, поддержали в нем творческий дух.

Жаль, что не было в тот момент среди них самого юного друга, уехавшего в столицу гимназиста Ершова. Спустя несколько лет Алябьев написал «Песню сибирскую старца Луки» на основе текста неоконченной стихотворной повести поэта «Фома-кузнец». Это — и воспоминание о Тобольске, и прославление (редчайшее в то время) мастерового человека — яркое, энергичное, звонкое произведение.

(Парадоксальным образом творчество земляков вновь соприсоснулось в 1864 году, когда французский композитор Ч. Пуньи включил музыку «Соловья» в балет «Конек-Горбунчик»).

Итак, 27 января 1832 года Алябьев «при уряднике» отправился в путь. Закончился самый яркий и значительный период его творчества. Впереди были скитания по Кавказу, жизнь в Москве «без права показываться в публике»...

6 марта 1851 года А. А. Алябьев умер. Ни строки не было посвящено в печати его памяти. Лишь при Советской власти искусство композитора получило всестороннее и широкое признание.

И все так же волнующе звучит «Соловей» — бессмертное творение, «мелодия на все времена».

В. МЫЛОВ.